
Бутлегеры
БЫЧИЙ ГЛАЗ
Максим Каблуков
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Максим Каблуков

Бутлегеры

«Автор»
2026

Каблуков М.

Бутлегеры / М. Каблуков — «Автор», 2026

Роман «Бутлегеры» — это сатирическая эпопея и плутовской роман в декорациях альтернативной постсоветской реальности. Сюжет: Трое юных авантюристов во главе с Максимом Каблуковым пытаются наладить подпольное производство водки в Немецкой Автономии. Героям предстоит столкнуться с мифологической изнанкой России: призраком атамана Кудеяра, бойцовыми мутировавшими осетрами и сакральным следом Юрия Гагарина.Жанр и стиль: Текст сочетает криминальный сюжет с магическим реализмом и социальной сатирой. Автор виртуозно смешивает высокий слог, советский канцелярит и народный говор, создавая плотный, ритмичный язык. Ключевые темы: Инфляция смыслов в современном мире, крах любых утопий – от капитализма, до духовных скреп. Финал: Одиссея героев порождает новый национальный миф. Для кого эта книга: Для ценителей интеллектуальной прозы, черного юмора и сложной языковой игры. Это энциклопедия русской жизни эпохи распада империи, написанная с безжалостной иронией.

© Каблуков М., 2026
© Автор, 2026

Бутлегеры

БУТЛЕГЕРЫ

1 ЗДРАВСТВУЙ, ПИЛЯВКА

- Один я тут мужик на все село, Максим. – вздохнул Пилявка, посматривая в окно на бабскую суету около бани. – Дед Бирюк не в счет. Михась, Серега и Кондраш вообще не трезвеют – злоупотребляют так, что похожи стали друг на друга, словно близнецы. Остальные злобинские мужики по тюрьмам сидят. Тяжело мне одному двенадцать женщин обихаживать. А погреб-то Ксюхе голыми картинками я разрисовал, не знаю, что тебе в Нахербурге натрепали: Репин ли, Кама-Сутра ли. Меня половая нужда заставила. Они, стервы, – Богдан с неприязнью зыкнул в окно и перекусил вареную петушиную ногу – меня там на неделю заперли.

Даже не знаю, в чем загвоздка? Почему я начал именно со встречи Максима с Богданом Пилявкой? Ведь это был последний эпизод торгово-водочных приключений Каблукова. Ладно уж, взяла рука – пусть так и будет.

Познакомились они так:

Чересчур ранним утром декабрьского дня, дикого две тысячи с копейками года, Максим выехал из Нахербурга на окружную дорогу, а с нее свернул в сторону пригородного поселка Песчаный Умет. Его старый газогенераторный «Фольксваген Шнеллер» был загружен тремястами бутылками водки. Каждые двадцать бутылок – условный ящик, упакованы в отдельный холщовый мешок. Сами мешки прикрыты старыми телогрейками. Это для того, чтобы продукция не слишком бросалась в глаза, на случай встречи с патрулем веркер-полицаев.

Разумеется, Каблукова сильно ломало, что называется, не спамши и не жрамши ехать в сельскую глушь. На подвиг его толкнул болезненный приступ трудовой дисциплины, которым он бывал подвержен.

За судьбу двухсот бутылок Максим был совершенно спокоен, ибо имел договоренность с хозяином песчаноуметского магазина, рябым татарином Ринатом. Татарин гарантировал взять десять ящиков, и даже не под реализацию, а рассчитаться немедленно, наличкой. Прочую беленькую Каблуков надеялся навязать ему в процессе задушевного разговора.

Пять-шесть северных оленей стайкой перекатились через белое полотно дороги, перед капотом его автомобиля, и исчезли в посадках.

«У… Ни разу не видел в наших местах оленей – сонно подумал Каблуков – Олени. Наверное, примета хорошая».

Вскоре показались двухэтажные панельные бараки поселка, уменьшенные копии городских «лагутенок», словно шерстью обросшие антеннами. Засунув «Фольксваген» носом в сугроб, замысловато прожженный мочой, возле ринатовского магазина, Каблуков вышел, огляделся. Ближе к углу двое утренних мужиков пальцами протирали граненый стакан дизайна Мухиной. Максим смерил их оценивающим взглядом, после чего отворил непреподъемную дверь бывшего сельмага и вошел внутрь.

Татарин ждал его в подсобном помещении. Лампа накаливания освещала узкую комнату, которая была заставлена сломанными холодильными витринами, коробками с раскисшими, черт знает от чего – не жарко ведь! – «сникерсами», пустыми бутылками. Остро пахло картоном и спиртным. Ринат сидел на окраине своих владений, в конце коридора, за школьной партой и просто курил. Видно было, что от скуки.

- Привет Ринат! – они вяло пожали друг другу руки – Привез тебе водочки, как договаривались, с сертификатом, пятнадцать ящиков.

- Да? – татарин замолчал.

- Ну, что? Разгружать? Тут как раз двое хануриков толкутся, подсобят.

- Погоди, я обещал взять только десять.

Максим сделал вид, что роется в блокноте.

- Е! И правда. Совсем закрутился. Ринат, извини. Не везти же обратно, слушай? Кругом полиция, не ровен час – тормознет. Что для твоего хозяйства лишние сто бутылок? Ты же пробовал давеча эту водку, и оценил. И покупатели твои оценят – вся партия разлетится, в полдня. Вспомнишь мое слово.

Ринат медленно зашевелился за столом, отчего его безразмерный свитер домашней вязки начал переливаться массивными складками, и наклонился вперед. Рябое лицо татарина приблизилось.

- А я, может, и возьму. Но ты знаешь, приезжал ко мне вчера черненький парнишка, вот такой. – Ринат протянул Каблукову жирный мизинец, что должно было символизировать невзрачность – Из вашей братии, водочный крутила. Говорит, бери у меня водку даром, по девятнадцать рублей за бутылку. Я ему: нет, у меня есть добрый поставщик, я беру по семнадцать рублей за бутылку. – татарин сделал небрежный жест, будто отмахивался носовым платком от мотылька. – Все ради тебя Максим, дорогой.

- Ринат, мы же договорились по двадцать рублей за пузырь!

Максим встрепенулся и покраснел, как всегда, когда чувствовал, что его хотят обмануть.

- Что тебе объяснять? Не пьют в селе водку, самогон гонят. Пока сахар старого урожая не кончится. Кстати! – тут татарин стрельнул взглядом вдоль стены подсобки, где притулились мешки с сахаром и что-то прикинул в уме – В апреле кончится. – резюмировал он – Вот тогда и приезжай по двадцать рублей. А пока беру десять ящиков по восемнадцать, а если пятнадцать ящиков, то по семнадцать рублей. Думай.

Каблуков подумал и спросил осторожно:

- А нет ли, Ринат, поблизости деревеньки, где сахар уже кончился? Нет, ты не волнуйся, десять ящиков я тебе отдам, но ты и мой интерес пойми.

Ринат поколебался.

- Ну, есть. Семь верст по сугробам. Злобинка. Ты не доедешь, если только оттуда дед Бирюк доюзит, на грузовике.

- С кем мне там насчет водки почирикать? Кто в деревне хозяин?

Татарин неожиданно развеселился. Его толстые ноги задергались под столом, рот расплылся, обнажая сомовьи зубы, частично золотые.

- Ты… ты с Пилявкой поговори! – давясь, прокашлял он.

- С кем? С какой пиявкой?

- С Богданом. Богдан Пилявка – фамилие у него такой. Художник. Да насчет его художественной галереи, про фрески спроси, про Кама-Сутру, он это любит. Сразу и познакомитесь и закорешитесь.

Подозревая издевку в словах Рината, Максим все-таки решился идти в Злобинку. Разгрузив машину и попросив лавочника присмотреть за «Шнеллером» и оставшимися мешками, он зашагал по улице Песчаного Умета. У последних, окраинных, темных, сгоревших от времени изб, улица превратилась в тропку, а потом и она почти исчезла, и у Максима остался единственный ориентир – кривые столбы электропередачи.

Столбы тянулись и тянулись, то двуногие, то одноногие, по пологим холмам волжского правобережья, напоминая собой заброшенные и неразгаданные мегалиты некой увядшей культуры. Только в одном месте ему встретилась колея тяжелого полугусеничного «Урала» и оплавленные монтерские «кошки» под столбом – следы неудачной вылазки охотников за цветным металлом.

Каблуков остановился. Манера останавливаться и вопросительно смотреть на совершенно непричастные к его жизни предметы появилась у Максима после того, как от него ушла жена. Друзья посмеивались, когда замечали.

Передернувшись от пробежавшего по шее холода, Каблуков пошел дальше в поле. «Вот, блин, полосануло кого-то током, - думал он – но, видать, жив остался мужичок, а иначе труп бросили бы. Сами подельники и бросили бы, что им возится?»

Так он размышлял, через каждые три-четыре шага проваливаясь сквозь отполированный ветрами наст по колено, и эти размышления накладывались на другие, вполне меркантильные.

«Художник! Хорошо. Может, для татарина этот Пилявка и не авторитет, может, вообще – голое посмешище, но в моем скользком бизнесе к любому человеку надо подход найти, тем более к крестьянину. Как заставить человека, художника от сохи, купить пять ящиков водки по двадцать шесть, нет – семь, рублей за бутылку? А если у него непитого самогона в погребке до сих пор еще море разливанное?»

Ладно, гут, Максим решил использовать козырь, который всегда носил с собой в заднем кармане джинсов – это удостоверение журналиста газеты администрации Автономии «Остфатерланд». Он на самом деле работал в то время в этом официозном издании. Освещал селекторные совещания, планерки, встречи с заезжими чинами. Удовольствие было, примерно, так себе, а зарплата – жиденькая. Однако, Каблуков трудился там ради имиджа остдойчланд интеллигента.

«Значит, я сую Пилявке в нос корочки журналиста, интересуюсь его художественной галереей, что бы она из себя не представляла: «Изумительно! Вам бы, Богдаша, «Последний день Злобинки» маслом написать! Или на кирпиче вырезать». Разговор неспешно льется, стратегические запасы злобинского самогона истощаются. Мы грустнеем.

«Но есть выход!» - это восклицаю я. Мы доезжаем на пахнущем углем, молоком и навозом, парящем грузовичке до Песчаного Умета. Пилявка раскошеливается на все оставшиеся пять ящиков моей водки. Ведь до следующего урожая свеклы еще – ого-го! Я даже возвращаюсь с ним в Злобинку, и мы вечеряем под шорох вьюги за окном. Все равно пьяным за руль «Шнеллера» не сядешь».

Каблуков брел, фантазируя и проклиная континентальный климат, часа три. Наконец, вдали проявились полтора десятка изб и полыхавший ярким пламенем стог сена.

Когда Максим дошел до пожарища, вокруг стога уже стояли несколько молчаливых женских фигур. По снегу от огня с писком разбегались мыши.

- Привет, бабоньки! – игриво поздоровался он.

- Михасю-алкашу за сено всю мотню порву. Он поджег. – задумчиво глядя на Максима сказала одна из женщин – А ты, городской, погреться пришел?

Когда Каблуков взмахнул удостоверением и рассказал о благовидной цели своего визита, дамы в телогрейках оживились.

- Ой, Ксения, на твой эрмитаж уже из города приезжают посмотреть, а ты – как монашка. Покажи гостю погребок, да Пиявку позови.

Дом Ксении Будаковой, которая оказалась смуглой, на вскидку – тридцатилетней женщиной с черными глазами кочевницы, отличался от прочих злобинских хат обилием орнамента на стенах: разноцветные кубики, кружочки с лучиками, бегущие друг за другом волны, перья жар-птиц. Весь этот лубочный конструктивизм пестрым слоем покрывал деревянные стены дома до конька. Другие особнячки были также размалеваны, но скромнее.

- Максим Анатольевич, – с кокетливой и даже коварной улыбкой вопрошала его Ксения, провожая к погребу – давайте я вас буду просто Максюшей звать? Ой, вы журналисты такие интересные, по всему миру катаетесь, жуков кушаете, вот по телевизору недавно… Сейчас крышку отопру. Такой срамоты, ты Максюша, еще не видел!

В недоумении Каблуков спустился в погреб под домом и офонарел: кирпичные стены от пола до потолка были расписаны непристойными сценами совокупления. Героями пикантных сюжетов в основном выступали мужчины и женщины, но в углу под потолком он заметил также дядю в кепке блином, ласкающего овцу. Стиль «фресок» позволял предположить, что они написаны рукой изголодавшегося по бабам Пикассо. Особо неприглядные картинки были заставлены банками с соленьями.

- А вот и я! Кхе! – в погреб заглянула усатая, красная с тотального перепоя физиономия. – Богдан Пилявка к вашим услугам. Ручку подам-с, выбирайтесь. Осторожно, тут ступенька подгнила. Вольный художник, знаете ли, временно в Злобинке, как Гашек в ссылке. Ксюха, стол быстро собери! Петуха заруби, рыжего, помоложе!

2 ПРОЩАЙ, ПИЛЯВКА

Стол был собран, банка самогона, загораживающая сцену бурного секса на арбузной бахче, извлечена из погреба и разлита по стаканам, петух дымился в кастрюле, а на дворе несколько женщин рубили дрова и растапливали баньку.

Каблуков осторожно разглядывал Пилявку. Богдан был похож на спившегося подростка, или, другой вариант: на растерянного гренадера в отставке. Рыжие волосы, конопушки, пышные усы а-ля кайзер Вильгельм, затертый полосатый пиджак и совершенно детский взгляд голубых глаз.

Скитания Пилявки, по его словам, начались после того, как заведующий ДК в казахстанском городе Аксай, где Богдан работал руководителем художественной секции, попросил его расписать стены клуба сценами из современной жизни великого казахского народа. За три ночи Богдан нарисовал, как казахи тащат барана в подъезд многоэтажки, режут его на кухне, спускают кишки в унитаз и, наконец, получают нагоняй от разъяренного, перепачканного в дерьме, русского сантехника.

- Меня казах, директор ДК, после этого самого чуть не зарезал. – пожаловался Пилявка – Уволил в тот же день. А предки у меня были ссыльные из чешской заволжской коммуны, из колчаковских легионеров. Сослали их в Казахстан во времена Директории. Дай, думаю, махну на родину, в Заволжье. Только, так вышло, пока ехал Алма-Атинским поездом, водки лишнего выпил, упал на пол спать, меня дынями засыпало. Сам знаешь, на что похож азиатский вагон – купе овощами завалены, даже сортиры, а во все щели пакеты с коноплей понатыканы. Меня проводник только за Нахербургом откопал и выкинул с поезда. Стал я в город пробираться, набрел на Злобинку. Прижился тут, у Ксюхи. Муж ее лет семь назад в тюрягу загремел, а она баба знойная. – Богдан сладко прижмурился – Да и остальные ничего, хороши.

За несколько недель Богдан подправил всем злобинским бабам заборы, а Ксении ставни зверюшками расписал. Для Михася, Сереги и Кондраша, присутствие в селе нового мужика, похоже, до сих пор осталось незамеченным. Дед Бирюк, старый шофер, не может конкурировать с Богданом в сексуальном плане. Бирюк незаменим только за рулем ржавого однокотлового «газона»: даже мертвецки пьяного деда женщины в любой момент доносят до машины, будят, подбрасывают в топку машины уголь, указывают направление и старик гонит – за хлебом ли в Умет, за молоком ли на ферму. Доехав, Бирюк моментально засыпает и его, со всем уважением к возрасту, извлекают из-за баранки.

- И такая любовь у меня пошла! – Богдан понюхал стакан и залпом выпил белесое зелье – Малина! К Ленке зайду – нальет, к Нюрке загляну – нальет, к Берте на огонек сворачиваю – покормит непременно. Поначалу были неприятности. Гульнул я от Ксюши первый раз, а бабы на ферме чирик-чирик, и растрепали промеж себя. Я в тот день на лошади коров пас. Сижу в седле, книжку читаю, детектив Малининой. Только смотрю, из овражка весь мой гарем толпой

поднимается. «Э, говорю себе, Богдан, сейчас ты из честного католика превратишься в еврея, и это будет больно».

Клячу нахлестываю, она копытами машет, а бежит – ну, не быстрее хомяка. Конечно, догнали меня бабы, лошадь остановили – на скаку, блин – и давай раба Божьего мутузить. Видишь, какие тетки ядреные? Я потом два дня отлеживался. А они-то уж сами разжалобились, так и гуртовались у кровати – кто отварчик принесет, кто примочку. После этого случая запреты сами собой снялись: где хочу, там и ночую. Было только еще – в погреб меня заперли.

К Ксении Будаковой из Москвы приехала сестра. Погостить на недельку. Маленькое село, за исключением деда Бирюка, собралось в доме у Ксении на широкую гулянку.

Богдан хряпнул стакан-другой и приглянулась ему городская мадам. Чудо, как хороша и стройна. Сам Пилявка был в тот момент на высоте: рубашка с воротником «ослиные уши», с 70-х годов забытого века валявшаяся в сундуке, полосатая пиджачная пара, и галстук из цветастой косынки.

Он и начал:

- Сударыня, я вольный художник. Ваши манеры… Достойно вас запечатлеть на полотно в избе напротив, такая честь.

Бабы переглянулись, и Ксения мягко говорит:

- Сходил бы ты, Богданушка, в погреб за огурцами.

Как только Пилявка спустился, крышка за ним захлопнулась и не открывалась целую неделю, до отъезда городской сестрицы.

Сначала усатый секс-гигант пытался стучать и буянить, но скоро смирился: разложил дастархан из варений, капусты и предательских огурцов. Коротал время, прихлебывая из горлышка трехлитровой банки пахучий самогон. Когда наткнулся на жестянки с масляной краской, его аж передернуло от злорадной фантазии расписать будаковский погреб под секс-шоп. Начал малевать пальцами, подстегивая воображение опять-таки добрыми глотками самогона.

Пилявку, одуревшего от выпивки и запаха краски, злобинские бабы извлекли из заточения, когда работа была в основном завершена.

- Визг поднялся – на десять верст в округе! Щиплют меня, Ксюха в глаз ведром-подойницей засветила. – Богдан потер заметный шрам – Потом Нюрка говорит: «Спокойно девочки. Господь его картинки в погребе не увидит, а мы иногда забежим посмотреть, вместо телевизора». И правда, бегают. Кстати, - тут Пилявка хитро подмигнул - бабенки с того времени игривее стали. Нахватались искусства.

Черные времена для Богдана наступили, когда в Злобинку нагрянул фермер. Инженер из Тамбова – Костей звали. Потянуло инженера на землю, прикупил он в Автономии несколько гектаров, заложил фундамент под усадьбу, построил ферму – свиней разводить. Ячмень посеял.

- Возрождать надо село, реки чистые, поля бескрайние! – так витиевато объяснил Костя злобинцам свое негаданное появление в глуши.

Активно взявшись за обработку районных властей, Костя в скором времени сумел добиться начала строительства газопровода на Злобинку. Начал бурить в селе водяную скважину.

У Пилявки отношения с фермером не сложились – слишком приветливо здоровались с Костей сельские бабы. Наконец, Богдан доподлинно узнал, что фермер ночует у его Ксюхи. В ярости Пилявка прокрался в фермерский свинарник и дегтем на спине самой большой свиноматки нарисовал Костин портрет.

- Сучок ты! – обругал фермер Богдана.

Однако, соседи все же, иногда Костя с Богданом вместе выпивали: после одного такого застолья фермер пешком пошел в Песчаный Умет за хлебом и не вернулся. Спустя месяц в заснеженном поле нашли его обглоданный волками скелет.

- Остались от Кости только кости. – бодро пошутил Пилявка и продолжил – Женки мои начали шушукаться, будто я фермера специально напоил, на погибель. Охладели как-то, самогоном не потчуют. Но тут такой поворот вышел – живот надорвешь! Я заболел пневмонией и попал в Нахербург, в больницу. Пролежал несколько дней и, как я позже узнал, в это время в больнице умер некий Борис Пилявский. Спутали меня с этим семитом, а как – не знаю, но только в Злобинку летит весточка: «Забирайте из морга вашего Пилявку». Бабы – в рев.

Что делать – посадили Бирюка за руль, разбудили, поехали в город. Ксюша пошла бумаги оформлять, чтобы забрать тело, Бирюк в машине спит. Тут я выхожу на больничный двор, покурить. Вижу – наш «газон» под парами стоит. «Привет, говорю, дед Бирюк! Какими судьбами?» Он веки приподнял, мох на ушах пригладил, встряхнулся – «Все, тебя оформили? Можно хоронить?» А уж и Ксюша моя с крыльца бежит – плачет. С тех пор опять в Злобинке жизнь наладилась.

Баня к тому времени хорошо протопилась. Каблуков искоса поглядывал на тонкий слой самогона, едва закрывавший дно банки и собирался перейти к вопросу о пяти ящиках водки, когда на улице в конце села появилась фигура почтальонши на лыжах.

Глаза Пилявки по-киношному сверкнули, он одернул на себе недоеденный молью пиджак. «Пойду почтальоншу встречу, может, письмо из Казахстана?» - Богдан попытался проскользнуть мимо загородившей дверь Ксении.

- Сходи, Богдан, в погреб, принеси грибочков.

За ее плечами, в дверях, в волнах холодного пара, стеной стояли Люба, Аня, Берта и Оля. Каблуков понял, что нескоро вновь встретится с Богданом Пилявкой. И беседовать насчет водки, и в баньке мыться ему придется не с ним.

Проснулся Максим от того, что его жесткий язык как теркой карябал нёбо. Еще не успев как следует сфокусировать со сна глаза, увидел перед носом кружку с огуречным рассолом. Она стояла на полке над кроватью, между фотографией губастого поручика с кубарями в петлицах, и фарфоровой собачкой.

Точно, кружку Ксюха туда вечером ставила. А поручик – ее дед, а собачку ей подарил какой-то хахаль на курсах повышения мастерства коровниц в Татищеве. Еще на столе, в окружении почтительных стаканов, должен лежать бархатный альбом с тисненым профилем Ленина на обложке, а в нем собраны фотки Ксюшиной родни до седьмого колена – достойные люди, аграрии. Муж в тюрьме. Рубашка под столом, носки под кроватью, там же ее белые трусики и лифчик.

Хорошо попарились. Максюша!

Осторожно отодвинувшись от женщины и сняв с плеча ее руку, Максим добрался до целительного рассола. После первого же глотка накатил приступ раскаяния. Бедный Пилявка! Как он стучал в крышку погреба, как ломился! «Хоть водки налейте, мымры!»

Самогон-то кончился, как Каблуков и рассчитывал. Точно. Они с дедом Бирюком сгоняли на безотказном «газоне» в Песчаный Умет, за оставшимися ящиками. Потом пили, потом парились. Поначалу неловко было сидеть на полке в бане среди нескольких раздетых женщин: собственное естество резало глаза. Снова пили в избе, причем пришли Михась и Кондраш, но не решались подсаживаться, а стояли у двери, подпирая плечами притолоку, как коты ожидая подачки. Богдан тогда горящим нутром почуял их присутствие и кричал снизу: «Кондраш! Принеси стаканчик!» Кондраш недоуменно пялился в пол и пытался шептать молитвы. Ладно, надо уходить.

Каблуков оделся, пересчитал вырученные за водку деньги, и приоткрыл дверь на улицу, стараясь не скрипеть. Перед тем как шагнуть в поле, подкрался к крышке погреба и отодвинул засов. В черном оконце погреба было тихо, даже сопения не слышно. Видать, устал Богдан от переживаний.

В Песчаном Умете, у магазина, рядом с его «Шнеллером» стоял черный, гробовой минибас «Мерседес Панциркампф» с работающими обеими паровыми турбинами, и когда Максим, в заледеневших до колен джинсах и примерзших к носу очках приблизился, его боковая бронированная дверь отъехала в сторону. Из внутренностей «мерса» один за другим вылезли несколько знакомых человек. Лучше бы Каблуков их не знал! Его догнали, сбили с ног через несколько метров и потащили в душное нутро минибаса.

3 РУССКОЕ СВИНСТВО

Затевалось-то все вполне безобидно и даже с юморком: трое ребят-выпивох, обложившись тарелками, уютно устроились за столиком нахербургского кабака «Бычий глаз». Кабак был переполнен по причине работающего кондиционера.

Кондиционер, впрочем, не справлялся: на уровне голов отдыхающих менеджеров, бухгалтеров, их неверных подруг и туристов, висели полосы табачного дыма. Пару раз ляпнув с вилок на стол фирменный салат из яиц известного животного, ребята украдкой осмотрели зал.

- И все-таки, портвешок в подметки не годится рябиновой настойке! – громогласно провозгласил один из троицы, белобрысый, в очках-велосипедах, чинно отрезая ножиком кусок котлеты.

- Не скажи, не сплюнув! - горячо возразил ему второй, в синей футболке – Ты прошлый раз портвейн окурками заедал, вот он тебя и вштырил.

Пожилая пара за ближайшим столом отставила рюмки и прислушалась.

- Знаете, что, – культурно протирая галстук салфеткой, вмешался третий, в пиджаке – я остаюсь патриотом кондового одеколона. «Огуречный», «Тройной», «Шон Фатерлянд», «Русский лес» - поэзия, а не напитки! Хлопнул, и душиться не надо – воняет за квартал. Главное, когда разводишь, воду не перелить. Может, кто-нибудь сгоняет в парфюмерную лавку?

Волна оживления прокатилась по залу ресторана. Дамы хихикали, прикрываясь сумочками, мужчины смотрели на парней понимающе. Действие, между тем, развивалось: через пятнадцать минут очкастый уронил на скатерть бычок и прожег дырку, похожую на пробоину от торпеды, а пиджак опрокинул бутыль рябиновой, отчего столик стал напоминать место недавнего убийства.

Другой член буйной кампании, в синей майке, с девичьим есенинским лицом и кудряшками, на танцующих ногах обошел зал, предлагая всем дамам поочередно «сплясать медляк». Огорченный отказами, он вернулся к друзьям, и устало опустил голову в тарелку с салатом из яиц известного животного.

Впрочем, ни один мужчина не нашел верного повода приструнить безобразников. Напротив, в разных концах зала раздались подбадривающие крики.

Настал миг расплаты: к ребятам направился официант в сопровождении гарда из службы безопасности. Встряхнувшись, двое парней выловили из тарелки третьего и кинулись в фойе.

- Слышь, челов-век, - на ходу пробулькал пиджак – мы на секунду по-маленькому, а потом расплатимся.

- Держи их! – сопрано завизжал официант, адресуясь к охраннику, и публика с приготовилась к новому развлечению.

Пиджак в цепких руках охранника орал, что сам канцлер Германии приезжает к нему с докладами, очкастый молил взять в залог визитку, а синяя футболка мирно кимарила, обвившись вокруг конторки швейцара. Наконец, злодеев выпроводили.

- Славно погуляли ребята! – завистливо вздохнул их сосед, вновь взявшись за рюмку – Как мы, бывало, по студенчеству колобродили! – он мечтательно закатил глаза, потом вперился в пергидрольную спутницу – Было времечко. Официант, водки подай! Бутылочку ноль-пять, нет… Ноль-семь подай!

Если бы гражданин имел возможность через несколько минут заглянуть на кухню ресторана, он увидел бы знакомые рожи. Наглецы, перемигиваясь с поварихами, пересчитывали купюры. Это были Максим Каблуков, и два его приятеля - Питер Фиртман и Славик Немоляев. А деньги – гонорар за спектакль, от хозяина заведения. Шоу «Отвязные гусары» показывалось специально для посетителей.

Это Каблуков убедил друзей на досуге заняться консуматорством.

- Подумайте, - ораторствовал он с сигаретой в зубах у Фиртмана на балконе, - ничто так не заводит русского человека как зрелище безудержного кутежа. В душе рождается ураган чувств – мечты о казацкой вольнице, ностальгия по прошедшей молодости, прилив пивного энтузиазма! А что делает взбодрившийся мужик? Заказывает стопку за стопкой! Ресторану – прибыль.

- От тебя, - обратился Максим к Питеру, носившему прозвище Чикл – даже таланта не потребуется! Русское застольное свинство развивается по жесткому сценарию, генетически заложенному в каждом нормальном мужчине. Будь пьяным собой, и публика тебя возлюбит.

- Ну, знаешь! - пытался возразить Чикл – Я пьяный и я трезвый – это два совершенно незнакомых друг с другом человека. Потом, приличные рестораны кутежи не поощряют: нас оштрафуют, и сдадут в полицию. Да, и зачем нам это?

- Как зачем? Многие кабаки содержат штат девушек, которые раскручивают посетителей на бабки. Так? Подумай: мы минутным выступлением в роли веселых бухариков поднимем выручку и заменим собой весь курятник. Хозяин подсчитает рубли и увидит, что метод работает, после этого мы – звезды! Гастроли по злачным заведениям Нахербурга, восторги поклонников – поклонниц-то у нас точно не будет… Наконец, какие-никакие деньги.

Так, или примерно так Каблуков парил, когда его перебил Немоляев:

- Красиво ты загнул. Можно попробовать. Э-э, слушай сценку - «Подворотная». Собираются три былинных персонажа: интеллигент в очках с дипломатом, бомж, и семьянин в тапочках, на секунду выскочивший из дома «за хлебушком». Троица корешится у задроченной рюмочной. Мужики сбрасываются, покупают пузырь разведенного спирта, подбирают на тротуаре стакан, потом делят водку «по булькам». Бомж с интеллигентом философствуют о преимуществе алкоголя перед наркотиками, тот, что вышел за хлебушком – поносит жену. Наконец, команда напивается в хлам: купленный хлеб съедают на закуску, интеллигент теряет дипломат с диссертацией, мужичок тащит бомжа к себе домой - «Нюська моя дружбанов как родных принимает! Чтобы ботинком по лбу вдарить – никогда!» Для кабака не годится, но рядом с летним кафе можно разыграть.

- Блеск. А ты что скажешь, Чикл?

Питер напрягся, задумался, свесился через перила балкона и несколько раз сосредоточенно плюнул, метя в голубя на тротуаре.

- Что-то башка пустая. Крутится фигня всякая. Вот, например: на кухонном столе разводим жуткий свинарник из хлебных крошек и рыбьей шелухи. Пьем водку из чайных чашек – в них же тушим окурки. Запиваем пивом. Угощаем друг друга жженными на спичках рыбьими пузырями, иногда вместо пузырей попадаются кишки. Потом занюхиваем тосты рукавами и волосами соседа, а в процессе поддерживаем высокую тему вступления России в клуб Большая Антанта. Просыпается удаль молодецкая: начинаем пить водку «с локтя» - это когда чашка устанавливается на согнутую руку. Бьем все чашки кроме одной – тема для шуток вроде: «Почему брат Каин убил брата Авеля? – Рюмку задержал!» Наконец, полуфинальные соревнования по армрестлингу и финальный общий мордобой.

Максим со Славкой поддержали и эту идею, и присвоили ей условное название - «Кухонная». На их взгляд сценка вполне годилась для исполнения в номерах, специально на заказ, перед узким кругом зажравшихся бонзов, тоскующих по безответственности.

Каблуков, в свою очередь, предложил «наприродный» номер – кутерьму с приготовлением шашлыка. То есть: отдыхающие надираются гораздо раньше, чем пожарится шашлык. Мясо поливают вместо вина водкой и оно частью сгорает, а частью пожирается сырым. На углях гибнет футбольный мяч, чьи-нибудь штаны. Мужики бредут из леса в потеках прудовой тины, увешанные колючками, поголовно травмированные шампурами и топориками. В итоге, покумекав в три головы, они сообща выдумали и известную «Ресторанную» сценку.

- То, что мы сделаем, сродни национальному японскому театру кабуки, только в русском варианте. Может, когда-нибудь нашим творчеством заинтересуются за рубежом. В европейских ресторанах мы бы такую «русиш швайн» показали – посетители сутками бы из-за столиков не вылезали! – радовался Каблуков – В Америке, где-нибудь в отелях Майами, вообще можно развернуться: включить в репертуар сцену пляжной попойки. Представляешь: лежат на берегу полуострова Флорида русские ханурики, в трусах торчат огурцы, «козла» забивают, открывают зубами пивные пробки, спотыкаются об лежанки, подмигивают толстым теткам. В песке греется прикопанная водка. Потом ханурики попеременно тонут и спасают друг друга. Любой американец за такое зрелище бешенные баксы отвалит!

4 БЕНЕФИС ПРИЧАСТНЫХ

Мечты – мечтами, но идея инсценировки образцового кутежа нашла отклик у владельцев только двух ресторанов из дюжины, куда они обращались. Однако и их хватило, чтобы войти во вкус. По вечерам, раза два-три в неделю, троица эпатировала благопристойный миттелстенд своими лжепьяными выходками и речами.

Например, однажды в «Бычьем глазу» они заметили за сдвинутыми столиками компанию молодых учителок, грустивших по поводу зарплаты и зверств стервы-директрисы. Немоляшка поджал подбородок, взъерошил кудряшки и поднялся, с грохотом опрокинув стул.

Небрежно, словно чекист револьвером, поматывая полным стаканом, он начал слезливо подпевать девушкам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.